

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ СРАВНЕНИЙ В ПРОЗЕ Н. М. КАРАМЗИНА

Художественно-изобразительные средства, характерные для определенного жанра, литературного направления, творчества (или этапа творческой эволюции) того или иного автора, представляют собой некоторое органическое целое. Специфические черты этого целого можно увидеть в отдельных слагаемых системы художественно-изобразительных средств, включая средства языка: в принципах обращения к различным пластам лексики, в особенностях синтаксических построений, в средствах экспрессивно-образного и эмфатического письма. Это позволяет исследователям говорить не только о языке и стиле автора или конкретного произведения, но также и об эпитете у Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Тютчева, о метафоре Блока, раннего Пастернака, о перифразе Некрасова, тропических окказионализмах В. Маяковского или паронимической аттракции в русской поэзии XX века¹.

Исследование специфики использования сравнений в определенной группе текстов позволяет заметить, во-первых, известную общность плана выражения и, во-вторых, общие черты плана содержания этого вида тропов. В настоящей работе, исходя из принципа репрезентативности сравнения для эволюции творчества автора, предпринята попытка рассмотреть структурные типы сравнений, представленных в трех группах текстов Н. М. Карамзина: 1) «Письма русского путешественника» (1789—1790, далее ПРП); 2) «Наталья, боярская дочь» (1792, далее НБД), «Марфа-Посадница, или покорение Новагорода» (1803, далее МП); 3) «История государства Российского» (1804—1826, далее ИГР)².

Выбор произведений обусловлен их ключевым местом в творчестве Н. М. Карамзина. «Письма русского путешественника» в русской литературе стали подлинно художественным открытием эпистолярного жанра, с которым связано возникновение нового литературного направления — сентиментализма и «нового слога» в истории русского литературного языка. Основу повествования ПРП составили заграничные впечатления «чувствительного» путешественника, молодого русского дворянина, проявившего глубокий интерес к истории и политике, быту и нравам, культуре и искусству жителей стран Запада. В ПРП Карамзин впервые сосредоточил внимание на личности, отдельном человеке, побуждая русского читателя к постоянному сопоставлению своей жизни, российской действительности с жизнью людей разных стран. «Наталья, боярская дочь» и «Марфа-Посадница», знаменовавшие разные этапы в развитии художественного метода писателя, были первыми в русской литературе образцами жанра исторической повести. Степень их историзма, однако, различна. Если в центре НБД — сентиментальная любовь героев на фоне исторических событий, то в МП исторические события и героико-патриотическая деятельность Марфы, реальной жены новгородского посадника, являются главной линией развития сюжета. «История государства Российского» — это вершина научного и литературного творчества Н. М. Карамзина, в котором писатель синтезировал опыт прошлого и настоящего, показал важность знаний исторической правды и национальных традиций, а также возможность развития жанровых форм и обогащения литературного языка.

Таким образом, три различные по жанру и стилю произведения Н. М. Карамзина отражают основные этапы его творчества, непосредственно связанного с «новым слогом», который, как отмечает В. В. Виноградов, «на протяжении трех десятилетий (с 90-х гг. XVIII в. до второго десятилетия XIX в.) переживает сложную и быструю эволюцию»³.

Путем сплошной выборки были извлечены все сравнения из ПРП, исторических повестей НБД и МП и из первых четырех томов ИГР. При сопоставлении сравнений по трем выборкам, длина которых существен-

но различна (ПРП — 141.680 словоупотреблений (с/у); НБД и МП — 21.280 с/у; ИГР — 181.336 с/у), частота употребления сравнений рассчитывалась на 1000 словоупотреблений. Полученные данные говорят о неодинаковой насыщенности сравнениями рассматриваемых текстов: она выше всего в исторических повестях — 4,88 сравнений, затем в ПРП — 4,09 и значительно меньше в ИГР — 1,93.

В рассматриваемых текстах Н. М. Карамзин использует 14 типов сравнений, различных по степени структурной сложности и связанной с этим развернутости и картинности, — от «творительного сравнения» (*Пар вился столбом, и пушистый снег от копыт лошадей подымался вверх облаками* — НБД, 110) до так называемых «спадающих» сравнений⁴, в которых агент представляет собой отдельное высказывание: *С сего времени Наталья во многом переменилась — стала не так жива, не так резва — иногда задумывалась, — и хотя по-прежнему гуляла в саду и поле, хотя по-прежнему проводила вечера со своими подругами, но не находила ни в чем прежнего удовольствия. Так человек, вышедший из лет детства, видит игрушки, которые составляли забаву его младенчества, — берется за них, хочет играть, но, чувствуя, что они уже не веселят его, оставляет их со вздохом* (НБД, 90).

Структурно-грамматический анализ сравнительных конструкций (СК) проводился с учетом следующих 18 параметров: 1) СК, оформленные союзными средствами связи; 2) агент выражен сравнительным оборотом; 3) агент выражен сравнительным придаточным предложением; 4) СК, оформленные несоюзными показателями; 5) наличие союза *как* (без коррелята); 6) наличие союза *как* и коррелята в референтивной части (*так (же), как; не так, как; не столь (столько), как*); 7) наличие компаративных связок *похож, подобен, сходен* (в краткой и полной форме); 8) «спадающее» сравнение, оформленное анафорическими местоименными словами *так, такой*; 9) наличие компаратива с зависимым сущ. в Р. п. (*чернильница дороже хлеба*); 10) наличие модальных союзов *как будто бы, как бы*; 11) наличие глаголов *казаться, напоминать*, с зависимым сущ. (*степи казались улицами городов, прекрасная терраса напоминает древние сады вавилонские, Кребильтон воображал себя злобным Атреем*); 12) наличие глаголов *походит, сходствует, уподобляется*; 13) наличие творительного сравнения; 14) наличие союза *нежели*; 15) наличие союза *чем*; 16) наличие союзов *равно как (и), подобно как (и), так же как и, как и*; 17) наличие предлогов *в сравнении с, по сравнению с, в виде*; 18) наличие предлога *подобно*.

Оценка значимости различий между тремя группами текстов по каждому названному параметру проводилась с помощью статистического критерия χ^2 .⁵ Полученные величины χ^2 (рассчитанные для абсолютных частот сравнений) при сопоставлении с теоретической величиной χ^2 , равной 0,10 (при двух степенях свободы и 95 % надежности), показывают статистическую значимость различий по 12 из 18 указанных параметров (т. е. $\chi^2 > 0,10$) и незначимость (случайность) для 6 параметров ($\chi^2 < 0,10$). Статистически близкая частотность компаративных конструкций, характеризующихся 6 параметрами, свидетельствует о том, что данные структурно-грамматические типы сравнений являются в большей мере инвариантными языковыми структурами и их употребительность (во всяком случае в текстах одного автора) не зависит от жанрово-стилистических особенностей текстов.

Частоты тех 12 структурных типов сравнений, различия в употребительности которых значимы для рассматриваемых жанров, представлены в таблице.

Анализ синтаксической организации сравнительных конструкций в трех жанрах прозы показал, что союзные средства связи оказались более предпочтительными для ПРП и исторических повестей. В ИГР соотношение союзных и несоюзных СК существенно уравнивается, что позволяет говорить об упрощении синтаксической структуры СК и повышении роли лексических и предложных показателей сравнения в дан-

Структурные типы сравнений

Параметры	\bar{X}	ПРП	НБД, МП	ИГР	χ^2
1. Союзные сравнения	2,25	2,47	3,29	1,00	1,20
2. Сравнительные обороты	2,00	2,22	2,82	0,94	0,92
3. Сравнит. придат. предложения	0,26	0,25	0,47	0,06	0,30
4. Несоюзные сравнения	1,38	1,62	1,59	0,93	0,22
5. СК с союзом <i>как</i>	1,26	1,07	2,16	0,54	1,08
6. СК коррелят + <i>как</i>	0,42	0,72	0,48	0,07	0,54
7. «Спадающие» сравнения	0,09	0,03	0,23	0,01	0,32
8. СК с <i>похож, сходен, подобен</i>	0,13	0,26	0,04	0,08	0,21
9. СК компаратив + Р. п. сущ.	0,30	0,30	0,43	0,13	0,19
10. СК с модальными союзами	0,09	0,05	0,19	0,04	0,16
11. Творительные сравнения	0,10	0,08	0,19	0,03	0,13
12. СК с <i>казаться, воображать</i>	0,33	0,43	0,38	0,18	0,11

ном тексте. Соотношение сравнительных оборотов и сравнительных придаточных предложений в трех жанрах складывается в пользу сравнительных оборотов. Очевидно, синтаксическая структура сравнительного оборота, не имеющая в своем составе предикативного ядра, все же дает писателю необходимую свободу излагать мысли выразительно и просто. В то же время в СК с сравнительным придаточным предложением (т. е. при наличии двух предикативных центров) «обе части конструкции уравниваются в правах с точки зрения сообщения о действительности»⁶, что значительно усложняет восприятие образа сравнения.

Особенность показателей сравнения заключается в том, что они являются носителями и выразителями определенных семантических оттенков. Так, СК с союзом *как*, выражающим значение реального сходства, хотя и распространены во всех группах текстов, но все же их удельный вес наиболее значителен в художественной прозе (НБД и МП) и наименее — в ИГР.

Существенные различия в употребительности СК с союзом *как* и коррелятами в референтивной части сравнения непосредственно связаны с их семантической функцией, которая, с одной стороны, обеспечивает полное выражение соответствия, тождества (*так же, как; такой же, как*), с другой, — выражение ограничения или исключительности признака сопоставления (*не так, как; не столь (столько), как*). И если в ПРП преобладают СК, выражающие исключительность признака сравнения, то в исторических повестях — СК тождества, соответствия. В ИГР подобные СК единичны, что можно объяснить большой значимостью данных типов от характера передаваемой информации.

Высокая частотность «спадающих» сравнений в НБД и МП является своеобразным индикатором, определяющим образность стиля произведения. В силу развернутости бессоюзных соединений, основанных на уподоблении, данные сравнения не столько выражают отношения между предложениями, сколько сообщают им авторскую эмоциональную оценку, с большей силой выразительности резюмируют высказанную писателем мысль. Незначительная употребительность сравнений в ПРП и ИГР свидетельствует об иной, менее экспрессивной стилистической манере Карамзина в этих текстах.

Преимущественное использование сравнительных конструкций с компаративными связками *похож, подобен, сходен* в ПРП находится в прямой зависимости от целей и задач писателя-путешественника, стремившегося передать свои наблюдения русскому читателю. Отраженная в большей степени фактическая, реальная сторона действительности снижает выразительную ценность данных сравнений и затрудняет их использование в качественно иных текстах исторических повестей и ИГР.

Сравнительные конструкции модели *дороже хлеба* являются наиболее простыми и компактными структурами, выражающими сопоставление по степени признака (в этом значении синонимичны СК с союзом *нежели*). Их лаконичность органична для сказочной формы исторических повестей и не контрастирует с летописными иллюстрациями в ИГР. В ПРП подобные отношения сравнения оформляются в основном союзом *нежели*.

Сравнительные конструкции, выражающие ирреальные отношения, представлены двумя группами союзов — *как будто бы* (в ПРП и исторических повестях) и *как бы* (в ИГР). Ориентация Карамзина на изысканность и утонченность речи высшего круга, которому в основном предназначались ПРП и исторические повести, определила выбор союза *как будто бы* («вероятно, во время Карамзина за союзом *как бы* чувствовался диалектный налет»⁷). Совершенно иная задача в ИГР (правдоподобно, в соответствии с историческим материалом, донести летописный колорит памятников) существенно меняет отношение писателя к элементам народной речи. Этим и объясняется дифференцированное использование здесь модальных союзов.

СК, представленные творительным сравнения, обладают исключительной способностью создавать легкие, яркие запоминающиеся образы, рожденные воображением писателя или коллективным творчеством народа. Преимущественное употребление данных сравнений в исторических повестях является свидетельством некоторой близости их языка к фольклорным текстам и простым занимательным историям.

В ПРП активнее, чем в исторических повестях и ИГР, используются сравнительные конструкции с глаголами *казаться*, *воображать*, которые указывают на некоторую субъективность, предположительность выражаемых ими отношений. Способность данных СК передавать впечатления, психологические состояния автора объясняет их широкое распространение в ПРП.

В целом сопоставление итоговых характеристик рассмотренных параметров дает возможность говорить о некоторой дифференциации жанрово-стилевой манеры Карамзина. Так, если синтаксическая организация СК гораздо сложнее в ПРП и исторических повестях (союжных сравнений в несколько раз больше, чем несоюжных), то в ИГР структура СК заметно упрощается (колебания частот союжных и несоюжных сравнений незначительны). Сопоставление совокупности разновидностей сравнений в каждом жанре показало, что тексты различаются не столько разнообразием видов, сколько частотными показателями одних и тех же сравнений. Исключение составляют модальные СК, использование которых обусловлено эстетическими установками писателя. Выявленные количественные и структурно-грамматические особенности сравнений в каждом жанре свидетельствуют об определенной зависимости их употребления от жанровой специфики стиля Н. М. Карамзина.

¹ См.: Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Киев, 1957. С. 444 и далее; Фроловская Т. Л. Метафора раннего Пастернака // Рус. языкознание. Алма-Ата, 1970. Вып. 1. Ч. 2.; Николаева З. В. Перифраза в поэтических произведениях Н. А. Некрасова // Вопросы русского языкознания. Ярославль, 1969. Вып. 3; Воробьева Т. Б. Тропические окказионализмы В. Маяковского // Стилистика художественной литературы. М., 1982; Григорьев В. П. Паронимическая аттракция в русской поэзии XX в. // Сб. докладов и сообщений лингвистического общества. Калинин, 1975. Т. 5.

² См.: Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. М., 1988; Наталья, боярская дочь. Марфа-Посадница, или покорение Новагорода // Избранное. Л., 1985; История государства Российского в трех книгах с приложением. М., 1988. (В тексте статьи после сокращенного обозначения произведения указываются страницы названных изданий).

³ Виноградов В. В. Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). М.; Л., 1966. С. 257.

⁴ См.: Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века (фонетика, морфология, ударение, синтаксис). М., 1954. С. 451.

⁵ См.: Головин Б. Н. Язык и статистика. М., 1971. С. 28 и далее.

⁶ Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М., 1990. С. 97.

⁷ Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Киев, 1953. Т. 2. С. 341.

А. А. КОЖИНОВА

НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПЫ ОСВОЕНИЯ ЕВАНГЕЛЬСКОГО ТЕКСТА СЛАВЯНСКОЙ ПРОПОВЕДЬЮ

Каждый принявший христианство народ осваивает Слово Божие. Кирилл Туровский в одной из своих проповедей писал: *земля же естъства нашего акы съмя слово божие примми и страхомъ его присно болящи духъ спасения ражаетъ* (Кир. Тур., 21)⁴. Освоение Священного писания, его творческое приятие вело не к механическому цитированию, но к работе над избранной цитатой, не к введению, но вживлению ее в создаваемый текст.

Среди принципов такой работы для славянских книжников в первую очередь следуют назвать перевод. Отношение цитат к первоисточнику в переводных славянских текстах, например, таких, как жития и гомилии Супрасльского сборника, неоднозначно и сложно. Сложно прежде всего потому, что в этом случае первоисточников будет несколько: во-первых, сам греческий текст оригинала и одна из редакций греческого текста Священного писания, во-вторых, уже существующий перевод Священного писания на старославянский язык. О цитатах упомянутого Супрасльского сборника еще В. Вондрак высказал мнение, что они наново переводились со всем текстом сборника, а не списывались с уже существующих переводов Евангелия², и, добавим, во многих случаях и не сверялись с ними. Это видно хотя бы на примере очень характерной цитаты, которая должна была быть известна каждому богослову — слов Благовещенья Богородицы (Лк. 1, 38). В Остромировом Евангелии они приводятся как *радоуи ся благодатьная господь съ тобою* (Остр., 269 об.), в Супрасльском же сборнике — *радоуи ся обрадованая господь съ тобою* (Супр. 250—251), что полностью соответствует его греческому оригиналу.

Итак, второй принцип освоения текста Священного писания — это его изменение по сравнению с существующим каноном. Изменение может затрагивать один или несколько элементов и обуславливаться различными причинами. В данном случае изменение текста обусловлено применением приема параллелизма, выражающегося здесь в совпадении корневых формантов. Прием широко использовался древними авторами (подробнее об этом см., например, работу Р. О. Якобсона³). Этот вариант стиха Лк. 1, 38, предложенный греческим автором проповеди «На Благовещенье Богородицы» Супрасльского сборника (о том, что он является исключительно чертой этой проповеди, упоминает Л. Мошинский⁴), охотно заимствовался славянскими книжниками. Его можно встретить у Климента Охридского — *радуися о възрадованая господь с тобою* (Кл. Охр., 1, 183); у Кирилла Туровского — *радуися обрадованая с тобою господь* (Кир. Тур., 26). У этих же авторов можно найти следующие сходные фрагменты, различающиеся буквально отдельными лексемами: *и паки приде съ небесе въ славѣ божество своего судити хотя всѣмъ и вздати комуждо по дѣломъ его* (Кл. Охр., 2, 273); *тои паки придетъ въ славѣ своего божества судити всему миру и вздать комуждо противу дѣломъ его* (Кир. Тур., 51). Как видно, основное различие между этими цитатами касается лишь выражения объекта при глаголе *судити*.

Можно встретить и примеры изменения грамматического строения фрагмента: перестройки его грамматической конструкции по типу конверсива: *но ктоже свое время понесеть и приметъ мьзду противу дѣломъ вашимъ* (Кл. Охр., 2, 677); ср. также: *но вси равно предстанемъ раби свободни нищии и богатии кождо противу трудоу своимъ мьзду приемлюще* (Кл. Охр., 2, 676).